

Можно ли на самом деле считать Россию «фашистской»?

КОММЕНТАРИИ НА ПУБЛИКАЦИИ ТИМОТИ СНАЙДЕРА

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 539

Сентябрь 2018 г.

Марлен Ларюэль¹

Университет Джорджа Вашингтона

На протяжении последнего десятилетия и, особенно, с момента аннексии Крыма наблюдается растущая тенденция определять Россию или, как минимум, путинский режим как «фашистский». Среди политиков подобные оценки раздает кто угодно, начиная с западных политических «тяжеловесов», как бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон и министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон и заканчивая российскими оппонентами Владимира Путина, как Гарри Каспаров. Этот ярлык также проник в академический дискурс, используя в работах Тимоти Снайдера, Александра Мотыля, Владислава Иноземцева и Михаила Ямпольского. Причисление путинской России к числу фашистских режимов является серьезным обвинением, влекущим за собой как политические, так и возможные правовые последствия.

Огромное количество научной литературы на тему фашизма содержит обширный концептуально-методологический инструментарий. Который, может быть использован исследователями для понимания того, насколько данная терминология, во-первых, соответствует российской политической системе, а во-вторых, предлагает возможность анализа для выявления «природы» путинского режима. К сожалению, ученые, наиболее ангажированные в обличение России, кажется, мало заинтересованы в проверке «гипотезы фашизма» с использованием инструментов научного исследования. Во-первых, они избегают применять к российским реалиям ключевые результаты исследований феномена фашизма и поэтому не предлагают четкие критерии, позволяющие сделать вывод о фашистской принадлежности режима. Во-вторых, складывается впечатление, что они используют данный термин не в качестве аналитической категории, а как эпитет, избочающий путинскую систему. Для того чтобы политики серьезно воспринимали обвинения в фашизме, академическое сообщество должно придерживаться научных стандартов. Если же исследователи считают, что данный концепт не применим, это следует четко обозначить.

¹ [Марлен Ларюэль](#) - главный научный сотрудник, заместитель директора Института Европы, России и Евразии при Университете Джорджа Вашингтона; директор Программы исследований Центральной Азии и содиректор Программы ПОНАРС Евразия.

Настоящая аналитическая записка открывает дискуссию через опровержение четырех ключевых утверждений Снайдера о применимости ярлыка «фашистский режим» к нынешней России.

Ложные исторические аналогии

В серии публикаций в «*The New York Times*» и «*The New York Review of Books*» Снайдер проводит аналогию между путинской Россией и гитлеровской Германией. В [статье от 20 марта 2014 г.](#) он сравнивает произошедший несколькими днями ранее захват Россией Крымского полуострова и быстро назревающий конфликт в Донбассе с действиями нацистской Германии накануне Второй мировой войны. Однако, в отличие от Андреаса Умланда, который выявляет сходную параллель, Снайдер не пытался провести основательное исследование, не сопоставил правовые аргументы, использовавшиеся в ходе аншлюса Австрии или гитлеровской аннексии Судетской области с аргументами Путина в пользу аннексии Крыма. Вместо этого, Снайдер ограничился общими заявлениями, [утверждая](#), что “Владимир Путин избрал путь реабилитации союза Сталина с Гитлером, который привел к Второй мировой войне”. Подобными заявлениями Снайдер решает сразу две проблемы, одновременно уподобляя Путина и Гитлеру, и Сталину. Однако его аргументация не подкреплена систематическим анализом, демонстрирующим принадлежность нынешней российской системы к традиции тоталитарных режимов.

Далее он изображает события и настроения в России как отголоски худших времен нацизма. Снайдер [пишет](#):

На национальном телевидении евреи обвиняются в Холокосте, близкий к Кремлю интеллигент восхваляет Гитлера как государственного деятеля, российские нацисты проводят первомайские марши, а манифестации с факелами и свастиками изображаются как антифашистские.

Такое описание совершенно недостаточно ни для понимания, ни для анализа многосложного российского общества. Избирательно составленный из самых шокирующих моментов, которые выдаются за обыденные, представленный образ России также некорректен, как гипотетическое предположение о том, будто повседневную жизнь в США можно интерпретировать исходя из беспорядков в Шарлотсвиле в августе 2017 г. Отдельные исторические аналогии могут предложить некоторые стимулирующие дискуссию подходы, однако они не выдерживают проверки научным анализом, не имеют какой-либо прогностической ценности и их целесообразность для понимания современных тенденций ограничена.

Другое слабое звено обнаруживается в попытке Снайдера провести параллель с ненавистным режимом, а именно его утверждение, что прототипом флагов донбасских мятежников и самопровозглашенной республики Новороссия было знамя американских конфедератов² Однако ряд источников показывает, что это не так, и что мятежники вдохновлялись символикой царских времен, которая совпала с флагом южан лишь

² Timothy Snyder, [The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America](#), Tim Duggan Books, April 2018, 148.

случайно.³ Такая ошибка хорошо иллюстрирует как *презентизм* Снайдера создает искусственные и американо-центричные интерпретации, искажая факты для того, чтобы придать им более алармистский смысл в глазах американской общественности, озабоченной политической поляризацией внутри страны.

Использование Снайдером исторических аналогий также сопровождается созданием некорректных фактических отсылок. Например, он [обвиняет](#) Путина в оправдании аннексии Крыма посредством отсылки к германской доктрине изменения границ; подразумевая, что Путин открыто сопоставил свои действия с действиями нацистской Германии: «Подобным образом нацистская Германия оправдывала захват Австрии и Судетов, а СССР - захват Польши. Такие собственно исторические параллели мы должны провести, чтобы понять точно, что подразумевает Путин, когда говорит, что Германия должна с пониманием отнестись к изменению границ».

Этот тезис является грубой ошибкой. Речь Путина однозначно [ссылается](#) на воссоединение Германии в 1990 г., а не к аншлюсу или к аннексии Судет:

Напомню, что в ходе политических консультаций по объединению ФРГ и ГДР на, мягко говоря, экспертном, но очень высоком уровне представители далеко не всех стран, которые являются и являлись тогда союзниками Германии, поддержали саму идею объединения. А наша страна, напротив, однозначно поддержала искреннее, неудержимое стремление немцев к национальному единству.

Это, разумеется, не оправдывает аннексии Крыма, но показывает, что Путин ссылался не на действия Гитлера, а на воссоединение Германии. Полемическое сгущение красок Снайдером является вредным искажением высказываний и событий: для Москвы стандартом нормальности является холодная война, а не эпоха пакта Молотова-Риббентропа.

Проблема пакта Молотова-Риббентропа

С ноября 2014 г. Снайдер начал приводить серьезные [аргументы](#) в пользу того, что растущая тенденция реабилитации пакта Молотова-Риббентропа 1939 г. Путиным и другими официальными лицами является знаком возрождения фашизма на российской почве.

В 2009 г., незадолго до своей примирительной поездки в Польшу, Путин [опубликовал](#) статью в польском ежедневном издании «Gazeta Wyborcza», где осудил упомянутое соглашение как аморальное: «Без всяких сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова-Риббентропа, заключенный в августе 1939 года». Однако в ноябре 2014 г., выступая перед российскими историками в Музее современной истории России, президент частично отрекся от своих высказываний по поводу аморального характера пакта. Он снова настаивает на том, что западные страны первыми попытались избежать конфликта с

³ См., например, свидетельство одного из командиров мятежников Павла Губарева, рассказывающего о выборе таких символов в своей книге [«Факел Новороссии»](#) (Санкт-Петербург: Питер, 2016, с. 226).

Гитлером, оставив Советский Союз в одиночку вести войну на восточном фронте. И добавляет новый нюанс, [отстаивая](#) право Москвы на действия во имя избежания войны: «А что же здесь плохого, если Советский Союз не хотел воевать? Чего же здесь плохого-то?»

Утверждение Снайдера о том, что российская официальная позиция резко изменилась, является сомнительным. Российский нарратив давно приравнивает Мюнхенское соглашение к пакту Молотова-Риббентропа. С точки зрения Кремля, упомянутый пакт является российским эквивалентом заключенного Западом Мюнхенского соглашения и не может рассматриваться как действие, которое само по себе ускорило втягивание Европы в войну. Эта аргументированная линия не изменилась. Более того, заявление Путина в 2014 г. о преимуществах избежания войны тщательно увязано с контекстом: оно было сделано в момент высокой международной напряженности в связи с украинскими событиями, и его завуалированное послание заключалось в том, что Россия не хочет войны с Западом. В 2015-м году Путин вновь подтвердил традиционное понимание пакта как части оборонительной стратегии, заявив, «Смысл обеспечения безопасности Советского Союза в этом пакте был. Это первое».

Можно осуждать молчание официальной российской историографии относительно советского насилия на оккупированных территориях. Однако, вопреки утверждению Снайдера, в мышлении Путина нет какого-либо реального противоречия, которое могло бы подкрепить тезис о дрейфе российского лидера в направлении к фашизму. В действительности, российская аргументация относительно пакта Молотова-Риббентропа остается той же самой.

Дружба России с европейскими крайне правыми силами

Снайдер неоднократно [утверждает](#), что поддержка Кремлем крайне правых в Европе является продолжением сталинского альянса с Гитлером с целью разрушения европейского международного порядка:

Так как Сталин пытался направить одну из самых радикальных европейских сил на собственно Европу, Путин флиртует с популистами, фашистами и сепаратистами. Его союзники - это как раз те силы, которые хотят похоронить современный европейский порядок - то есть, Европейский Союз.

Эта попытка провести историческую параллель не выдерживает критики по нескольким причинам.

Во-первых, недавние политические успехи популизма и/или крайне правых в Европе нельзя свести только к «подъему фашизма». Хотя последнее действительно вызывает озабоченность, это не оправдывает смешения различных терминов и понятий. Подавляющее большинство специалистов по европейским ультраправым, включая [Каса Мудде](#), согласны с тем, что подобные движения не могут считаться пост- или неофашистскими исходя из их социологических и идеологических позиций. Более сложный концепт антилиберализма (-ов) намного лучше отображает характер современных тенденций.

Во-вторых, вопрос о легитимности ЕС в его нынешнем виде не может быть приравнен к нацизму. Существует множество причин чтобы сомневаться в ЕС, но они не имеют ничего общего с фашистским образом мышления. Нельзя запрещать гражданам критиковать свои институты на том основании, что популистские силы тоже продвигают отрицающие ЕС дискурсы.

В-третьих, волны антилиберализма в Венгрии и Польше, странах, чье население исторически находилось под сильным влиянием антироссийских настроений, показывают, что Россию нельзя обвинять в росте евроскептицизма и антилиберализма в общественном мнении ЕС. Как [отмечают](#) сотрудники Университета Тарту Андрей Макарычев и Алексей Кажарский, российский и центрально-европейский дискурсы конфликтуют друг с другом в многочисленных вопросах исторической памяти. Однако их может объединить критическая рефлексия касательно превалирующих представлений о Европе как о либеральном, космополитическом и наднациональном проекте и продвижение нарратива «другой Европы», который по своему содержанию более консервативен и ориентирован на национальное государство. Москва, безусловно, пытается разыграть карту нынешнего европейского пессимизма, однако ответственность за происходящее несут главным образом силы внутри стран ЕС.

В-четвертых, европейская политика Кремля имеет одну всеобъемлющую цель – найти такие голоса, которые отказываются от враждебности в пользу диалога с Россией. Поэтому Москва готова взаимодействовать со всеми, кто продвигает такую повестку, включая крайне правые и крайне левые группы и, что наиболее важно, мейнстримные консервативные партии и крупные корпорации. По своей сути это *Realpolitik*, которая заключается не в последовательном и эксклюзивном идеологическом союзе с ультраправыми, а в обнаружении любых точек воздействия на европейской сцене.

Иван Ильин как официальный идеолог России

Четвертый и более последовательный набор аргументов, Снайдер посвятил якобы ведущей роли белоэмигрантского философа Ивана Ильина (1883-1954) в путинской идеологии. В своих статьях и особенно в книге «*Дорога к несвободе*» Снайдер настаивает на том, что Кремль сделал Ильина своим официальным идеологом. Именно на идеологию Ильина, он безуспешно пытается [возложить ответственность](#) за вмешательство Кремля в американские президентские выборы в 2016 году.

Я не буду обсуждать здесь снайдеровскую характеристику русского философа как «[проповедника русского фашизма](#)» — определение, анализ которого требует более глубокого исследования политической философии Ильина. Но рассмотрю якобы центральную роль философских идей Ильина в формировании всего того, что не приемлет Снайдер в нынешнем российском режиме. Снайдер утверждает, что “ни один другой мыслитель XX века не был в такой манере реабилитирован в XXI веке, и ни один не имел такого влияния на мировую политику» («*Дорога к несвободе*», с. 19). Это определение явно преувеличивает статус Ильина, тем самым демонстрируя неосведомленность Снайдера относительно того, как российский режим функционирует и как инструментализирует идеологии. Следующие аргументы опровергают заявление Снайдера.

Во-первых, Снайдер систематически оставляет без внимания академические дискуссии о характере путинского режима. Он игнорирует исследования, посвященные попыткам Кремля найти баланс между влиятельными политическими группами. Эти вопросы рассматриваются многими ведущими исследователями, в том числе Брайаном Тэйлором в его новой книге [«Код путинизма»](#). Типичные снайдеровские утверждения о том, что «Ильин служит интересам постсоветских миллиардеров» (*«Дорога к несвободе»*, с. 29), и что фашизм используется российскими олигархами прекрасно иллюстрируют подобного рода редуционистские формулировки, однако, они не разъясняют предполагаемую связь между идеологией режима и его статусом рентной экономики.

Путинский режим ярко демонстрирует способность реагировать на изменения и постоянно самообновляться. Этот режим умышленно доктринально слаб, а не получился таковым сам собой. Тем не менее, Снайдер не принимает во внимание исследования по поводу этой теории, обоснованной в работах ряда ученых, а также российских экспертов и политтехнологов, включая Глеба Павловского и Евгения Минченко. Вместо этого он предпочитает использовать только те данные, которые работают на его полемическую аргументацию и превращает единичных мыслителей как Ильин, как до него другие исследователи превращали Дугина, в те деревья, за которыми не видно леса.

Во-вторых, как я подробно обосновываю [в своей другой работе](#), хотя Путин выказывает Ильину особое уважение, российский лидер цитировал его в пяти случаях и возложил цветы на его могилу в 2009 г., это не означает что Ильин является для режима философским авторитетом. В путинской системе нет места для нового Маркса или нового Ленина. В частности, российский президент также в шести случаях упоминал в положительном контексте поборника евразийства Льва Гумилева. Хотя Ильин никогда работы Гумилева не читал и отвергал евразийство как «склонность к умственным вывертам». Более того, отобранные для официальных заявлений Путина цитаты из Ильина воспроизводят наиболее традиционные представления о России, ее культуре и роли государства. Никакие из этих цитат не связаны с более неоднозначными заявлениями Ильина относительно нацистской Германии и фашистской Италии. В тех случаях, когда произведения Ильина используются в кремлевских кругах, они цитируют мейнстримные заявления о российской государственности.

Хотя Ильина действительно считают идеологическим источником для последователей православной и белогвардейской эмиграции, а также для сторонников династии Романовых среди российской элиты, ошибочно объявлять его главным философским авторитетом для президентской администрации. Кремль черпает вдохновение в различных персоналиях и темах, создавая многогранную идеологическую конструкцию, в которой идеи Ильина занимают такое же место как и многие другие. Единственным доктринальным продуктом, напрямую связанным с президентской администрацией (через исследовательский и аналитический центр ИСЭПИ) являются «Бердяевские чтения», названные в честь философа Николая Бердяева (1874-1948), чье политическое мировоззрение было менее консервативным, чем у Ильина. К сожалению, вероятно во избежание аргументов, которые могли бы свести на нет или ослабить его выводы, Снайдер

не рассматривает выбор президентской администрацией в пользу Бердяева вместо Ильина, и не обсуждает идеологическое противостояние Бердяева и Ильина.

В-третьих, Снайдер, кажется, искренне верит в то, что Путин лично готовит свое ежегодное обращение к Думе (*«Дорога к несвободе»*, с. 18); хотя известно, что как и другие лидеры, он пользуется услугами спичрайтеров, которые составляют для него тексты. Также Снайдер, по-видимому, считает спонтанными упоминания Путиным Ильина во время ответов на вопросы в ходе своих ежегодных «Прямых линий» и встреч со студентами. Есть, однако, много свидетельств того, что подобные мероприятия проводятся по заранее составленному сценарию, включая заранее составленные вопросы и несколько [репетиций](#).

Наконец, следует упомянуть, что Снайдер часто полагается на связанные с поверхностными ассоциациями риторические приемы, добавляя фразы «как Ильин», «подобно Ильину», «для Путина, также как и для Ильина», «известный Ильину» и другие аналогичные утверждения почти к каждой цитате Путина, относительно позиционирования России на международной арене. Это создает ложное впечатление о том, что идеи Ильина влияют на каждое заявление и на каждое политическое решение Путина. Однако для российских официальных лиц нет никакой необходимости читать Ильина для того, чтобы превозносить уникальность российской цивилизации, объявлять Украину неотъемлемой частью русского мира или критиковать Европейский Союз.

Кремлевским деятелям необязательно читать Ильина дабы уверовать в то, что аннексия Крыма является достойным стратегическим ответом на вызванную Евромайданом неопределенность. Также, утверждение о том, что Концепция национальной безопасности РФ от 2013 г. включала в себя «ряд изменений, соответствующих идеям Ильина, евразийцев и связанных с ними фашистских традиций» (*«Дорога к несвободе»*, с. 99) не только не подкреплено никакими доказательствами, но и отличается поразительным отрицанием сложности того бюрократического процесса, с которым связана подготовка официальных документов.

Заключение

Тот факт, что Тимоти Снайдер является влиятельным интеллектуалом и уважаемым историком, не дает оснований воздерживаться от критики его упрощенческого и полемического анализа современной российской государственности. Внося сумятицу в широкие дебаты по ситуации в России, Снайдер отвергает необходимость серьезного и непредвзятого анализа тех особенностей путинского режима, которые потенциально могут характеризоваться как фашистские. Искажения, неточности, избирательные интерпретации не помогают пролить свет на мотивацию российского руководства в позиционировании на международной и, особенно, на европейской арене. Незамысловатые редуционистские приемы и некорректная аргументация еще более запутывают анализ и делают предвзятыми ответные политические меры.

Вопреки утверждениям Снайдера, Кремль живет не в том идеологическом мире, источником вдохновения для которого послужила бы нацистская Германия, а в том, для

которого десятилетия ялтинского миропорядка, годы правления Горбачева и Ельцина, а также распад Советского Союза по-прежнему являются главными историческими координатами и травмами. Именно Снайдер настойчиво воспроизводит атмосферу довоенной Европы и представляет в своих работах такой мир, в котором чуть ли не любая современная проблема приобретает смысл только в качестве предполагаемого повторения какого-либо момента в прошлом.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2018. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org